

Научная статья
УДК 81'367.7
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-6>

© Анна Павловна Вяльсова, 2021

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия,
vyalsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>

© Anna P. Vialsova, 2021

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia,
vyalsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>

Полисубъектность в конструкциях с деепричастным оборотом: история и современность (на материале русского языка)

Аннотация. В статье предпринимается попытка объяснить существование в языке аномальных полисубъектных предложений с деепричастием. Данные предложения сопоставлялись с оборотом «дательный самостоятельный», свойственным древнерусскому нарративу; в результате сопоставления установлено, что объективному повествованию древнерусских текстов требовалось указание на субъект, поскольку он менялся в зависимости от фокуса внимания писца. Напротив, формирование субъективного типа повествования, ориентированного в современном русском языке на модус говорящего, позволяет носителю языка избегать неоднозначности аномальных конструкций с деепричастием и использовать их в качестве тематического членения текста.

Ключевые слова: синтаксические нормы, полисубъектные конструкции, деепричастный оборот, дательный самостоятельный, модус говорящего.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00200 «Корпусное исследование соотношения литературной нормы современного русского языка в области морфологии и синтаксиса с реальным узором»).

Polysubjectiveness in constructions with adverbial participial phrases: history and modernity (by the material of the Russian language)

Abstract. The paper considers polysubject clauses with adverbial participles and their comparison with construction “dative absolute” characteristic of the Old Russian narrative texts. By hagiographic texts and General Internet Corpus of Russian, it has been found that the objective narration of the Old Russian texts required pointing to the subject as it changed according to the scribe's focus. On the contrary, developing a subjective type of narrative which is focused on the narrator's modus allows a native speaker to avoid ambiguity of abnormal constructions with adverbial participles and use them as means of actual division of the sentence.

Keywords: syntactic standards, polysubject constructions, adverbial participial phrase, dative absolute, modus of the narrator.

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-012-00200 “Corpus study on the relation of the literary norm of the modern Russian language in the field of morphology and syntax to actual use”).

Введение

Одним из центральных вопросов синтаксических норм современного русского литературного языка в последнее время стал вопрос употребления деепричастного оборота. Внимание к данной конструкции неслучайно. Современные корпуса фиксируют многочисленные разнородные отступления от норм употребления деепричастного оборота. Изучение аномальных конструкций интересно не только потому, что они отражают естественное развитие языка, но и по той причине, что нарушение нормы полнее раскрывает грамматические свойства языковых единиц. Наряду с четко очерченными правилами употребления деепричастного оборота, сформулированными для школьников в учебных пособиях, существуют научные исследования, в которых границы нормального и нормативного употребления деепричастий значительно изменяются. Колебания нормы, как правило, допускаются в рамках односубъектных конструкций: в них субъект матричного предиката, не будучи подлежащим предложения, на семантическом уровне соотносится с субъектом действия, выраженного деепричастием. Напротив, полисубъектные конструкции, в которых у каждого предиката (деепричастного и матричного) наблюдается свой субъект, большинство исследователей считают нарушением норм употребления деепричастного оборота. Современное деепричастие синтаксически односубъектно, что является результатом исторического развития деепричастия из нечленной формы действительного причастия, имеющего согласовательные категории рода, числа и падежа. Однако исторически нечленная форма причастия, соотношенная по категории времени с матричным предикатом предложения, могла выражать и действие другого субъекта, создавая полисубъектность фразы. Такая особенность нечленных форм действительных причастий последовательно обнаруживается в предложениях с конструкцией «дательный самостоятельный». Цель настоящей статьи – проанализировать текстовые функции и грамматические свойства нечленного действительного причастия в конструкции «дательный самостоятельный» и выявить грамматические процессы в современном деепричастии, нашедшие отражение в аномальном употреблении указанной глагольной формы. В качестве материала исследования в работе рассматриваются данные Национального корпуса русского языка и Генерального Интернет-корпуса русского языка.

Основная часть

Нормы употребления современного деепричастия обуславливаются следующими его грамматическими свойствами: семантико-грамматической связью действия, выраженного деепричастием, с подлежащим предложения; видовременной связью деепричастия со сказуемым и полупредикативной ролью деепричастия с точки зрения функционирования в предложении и тексте. При этом требование отнесенности деепричастного оборота к подлежащему предложения служит едва ли не главным условием правильного оформления конструкции. Так, Л. Г. Смирнова замечает: «Весьма

распространены ошибки, связанные с неправильным употреблением деепричастного оборота. Общее правило требует, чтобы обозначаемое деепричастием действие относилось к подлежащему предложения, поэтому ошибочным являются следующие примеры: “Возвращаясь домой, Бориса застиг дождь”; “Будучи в Москве, меня пригласили в гости к знакомым”¹. Деепричастные обороты, относящиеся к безличным предложениям, рассматриваются (за некоторым исключением) как нарушение нормы². Это требование, в большей степени опирающееся на правила морфологии, – результат исторического развития деепричастия, связь которого с подлежащим обусловлена происхождением данной глагольной формы из аппозитивного нечленного действительного причастия (для него было важно синтаксическое согласование с И. п. подлежащего). А. А. Потебня отмечает, что процесс утраты согласования причастной формой, отраженный в летописных текстах XIII в., к XIV в. завершается появлением новой формы – деепричастия, хотя в книжных текстах аппозитивное причастие еще последовательно удерживает согласование³. Современные деепричастия в целом сохранили эту особенность. В контексте обсуждаемой темы интересно наблюдение Б. С. Кунавина о семантической связи деепричастия с субъектом предложения: «...деепричастия, видимо, начали свое формирование именно в двусоставных предложениях, где они, выступая в функции второстепенного сказуемого и выражая время действия опосредованно, стали склоняться и к опосредованному выражению субъектной связи с подлежащим <...> так как эта связь, вследствие стабилизации употребления причастия в односубъектных конструкциях, стала избыточной»⁴.

Второе требование обусловлено тем, что в отличие от членных форм причастий, которые ни морфологически, ни синтаксически не претерпели значительных изменений и соответствуют современным причастиям, нечленные формы были в большей степени ориентированы на глагол, а не на имя и включались в цепочку древнерусского нарратива наряду с финитными формами. Например: *Преподобный же вставъ сътвори молитву, и благослови, и преломль, и раздѣливъ, вдасть чрънцем своимъ* («Житие Сергия Радонежского»). О связи нечленных форм со сказуемым А. А. Потебня пишет следующее: «...мы видим, что в конце концов в причастии уничтожаются знаки его согласования с подлежащим (падеж, род, число), что связь с подлежащим разрушается. Слово, бывшее причастием, или начинает тяготеть исключительно к сказуемому <...> или же еще впервые вовлекается в сферу притяже-

---

¹ Смирнова Л. Г. Культура русской речи. – Москва: Русское слово, 2005. – С. 51.

² См., в частности: Обособление распространяющих членов предложения // Русская грамматика. – URL: <http://rusgram.narod.ru/2100-2127.html#2104> (дата обращения: 09.10.2020); Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. – Москва: Наука, 1982. – С. 129–153; Бешенкова (Филякова) Е. В. Глаголы с дефектной парадигмой в современном русском языке (соотношение системы и нормы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1988. – С. 9–11.

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – Москва: Учпедгиз, 1958. – Т. 2. – С. 78.

⁴ Кунавин Б. В. К вопросу о формировании деепричастных форм в древнерусском языке // Вопросы изучения русского языка. Межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Л. М. Бесолова. – Владикавказ: СОГУ, 1994. – С. 111.

ния сказуемого, если прежде не имело непосредственного отношения к нему»¹. Здесь важно отметить, что речь идет не столько о соотношении деепричастного и основного предикатов по времени, сколько об их функциональной однородности, которую предполагает древнерусский нарратив: оба предиката описывают единую ситуацию. Эту особенность заметил А. В. Бондарко при изучении таксиса², ядром которого является деепричастие, и ввел понятие «единого временного плана», представляющего собой «однородность действий с точки зрения их конкретности / неконкретности (узуальности, типичности, вневременности)»³.

Помимо единого временного плана, для деепричастия важна и семантика глагольных форм. Нечленная форма действительного причастия была свойственна нарративным текстам или нарративным фрагментам в текстах других регистров; это способствовало тому, что движение сюжета осуществлялось путем нанизывания глаголов (преимущественно со значением физических действий), которые в свою очередь соответствовали одушевленному субъекту – герою нарратива. Именно по этой причине современное деепричастие плохо сочетается с неодушевленными именами, так как это придает фразе дополнительную акциональность; в таких случаях обычно используется причастная форма⁴. Ср. следующие пары предложений с одушевленным и неодушевленным субъектом: *От стола он ушел к телевизору, потом возил маленькую сестру на закорках, изображая коня* (Б. Екимов); *Там на стене висела большая цветная картина, изображавшая (*изображая) Полтавскую битву...* (С. М. Голицын).

Наконец, третье требование к грамматически верному употреблению деепричастного оборота заключается в том, что данный оборот невозможно употреблять в качестве независимого сказуемого; следовательно, деепричастная форма полупредикативна и конструктивно обусловлена. Такая характеристика деепричастия сформировалась в результате становления системы гипотаксиса, семантического перераспределения союзных слов, хотя нельзя не отметить тот факт, что на протяжении всего древнерусского периода встречаются нечленные формы, употребленные абсолютно. Современное же деепричастие выступает как полупредикативный член осложненного предложения. Полупредикативность глагольной формы выражается, с одной стороны, в том, что в отличие от спрягаемых форм глагола семантика глагольных категорий в деепричастии определяется с помощью другого сказуемого и вместе с ним составляет единый нарративный блок, а с другой – в том, что деепричастие не употребляется в современном русском языке абсолютно. Так,

¹ Кунавин Б. В. К вопросу о формировании деепричастных форм в древнерусском языке // Вопросы изучения русского языка. Межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Л. М. Бесолова. – Владикавказ: СОГУ, 1994. – С. 77.

² Подробнее об этом см. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под редакцией А. В. Бондарко. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 237–241.

³ Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001. – С. 101.

⁴ Подробнее об этом см. Вяльсова А. П. Текстовые функции причастий и деепричастий // Русская словесность. – 2005. – № 2. – С. 36–45.

А. А. Камынина при трактовании полупредикативности подчеркивает: «Значение полупредикативного члена строится на основе особого “непредложенческого” сказуемого, которое не может в качестве *verbum finitum* быть выражено в предложении»¹.

Значение предикативных категорий деепричастия обуславливается предикативными категориями основного предиката. Время, модальность и субъект действия, выраженные деепричастием, – результат соотношения с указанными категориями глагола-сказуемого. Предикативные категории деепричастия носят синтаксический характер, поскольку их значение определяется в контексте соотнесения с основным предикатом. При этом если время действия, выраженное деепричастием, может совпадать со временем действия, выраженным сказуемым, или предшествовать ему, то значение синтаксического лица (субъекта) повторяет соответствующую категорию глагола-сказуемого.

Нарушения нормы употребления деепричастий, связанные с категорией лица, касаются двух типов конструкций. Первый тип ненормативных деепричастных конструкций обуславливается нарушением правила именительного падежа: деепричастие может относиться только к подлежащему в И. п. (например, *Вернувшись домой поздно, мне захотелось спать*). Примерами такого типа являются деепричастия, употребленные при безличных предложениях. Поскольку действия деепричастия и основного предиката выполняются одним субъектом, такие предложения некоторые исследователи склонны считать вариантами нормы. Так, М. В. Панов пишет: «...некоторые безличные предложения позволяют поселиться в них деепричастию <...> Ему не пристало куражиться, пугая своих друзей <...> Оказывается, в таких предложениях деепричастие может относиться не к подлежащему (которого нет), а к субъекту действия, выраженному дательным падежом»². О. М. Чупашева, говоря о связи деепричастий с субъектом предложения, выделяет, наряду с прямыми субъектами, и косвенные субъекты, выраженные существительными и местоимениями в косвенных падежах: *мне, тебе, вам*³. Показательно, что многие исследователи утверждают о существовании в общей массе ненормативных деепричастных оборотов своеобразной «серой зоны», которая представляет собой группу деепричастных конструкций, употребляемых вразрез с нормами, однако понятных носителям языка. Е. Р. Добрушина, рассматривая этапы становления нормы употребления деепричастных конструкций, приходит к выводу о том, что современная норма сводится к одному принципу: «семантический субъект при деепричастии должен быть ясен из контекста»⁴.

---

¹ Камынина А. А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. – Москва: МГУ, 1974. – С. 31.

² Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – Москва: Наука; Языки русской культуры, 1999. – С. 179.

³ Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Мурманск: Полиграфист, 2010. – С. 12.

⁴ Добрушина Е. Р. Ненормативное употребление деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому // XXX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ (Москва, 20 января – 27 февраля 2020 г.) / под редакцией протоиерея В. Воробьева. – Москва: ПСТГУ, 2020. – С. 171–173.

К указанному случаю нарушения нормы примыкают деепричастные конструкции, у которых в основной части предложения по разным причинам наблюдается конкуренция между подлежащим и субъектом. Н. К. Онипенко и О. С. Биккулова объясняют образование таких конструкций «расщеплением» субъекта: в них указание на субъект происходит опосредованно, метонимически, через упоминание частей тела, мыслительных процессов, чувств говорящего: *Читая эти стихи, слезы наворачиваются / глаза увлажняются*¹. Например, в основной части предложения *Зайдя внутрь мне внос ударил дурманищий запах благовоний который перебивал запах сырости плесени* (Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены. – А. В.) содержится указание на обоняние субъекта, ср.: *Зайдя внутрь, я почувствовал дурманящий запах...*

Отдельно следует упомянуть конструкции, свойственные публицистическому стилю, в которых происходит номинализация действия, выраженного глаголом. В этом случае можно говорить о ненормативности конструкции на синтаксическом уровне, но в смысловом отношении в ней удерживается односубъектность. Например: *По данным ведомства, 19 февраля 23-летний житель Красногорского района попросил таксиста привезти его в роддом, где находилась его жена. Подъезжая к роддому, между мужчинами произошла ссора...* Выражение *произошла ссора* соответствует нейтральному в стилевом отношении глаголу *поссорились*, однако в задаче автора входило создание имперсональности предложения для фокусировки внимания читателя на фактах.

Перечисленные конструкции нельзя назвать полисубъектными в семантическом смысле.

Второй тип характеризуется несколькими подтипами и связан с реальной полисубъектностью конструкции, поскольку субъект действия, выраженного деепричастием, отличается от субъекта основной части. Например: *Кошкам, посещая ветеринара, пережить стресс помогает кошачья музыка*. Такие деепричастные конструкции можно сопоставить с конструкцией «дательный самостоятельный» (далее – ДС): *Железу же узьку суццо и грызущюся въ тело его, онъ же пребываше, яко ничсо же скърбьна от него приемля телу своему* («Житие Феодосия Печерского»). Интересно отметить, что М. В. Ломоносов считал ненормативным употребление деепричастия именно в полисубъектных конструкциях: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила <...> Но многие в противность сему пишут: *идучи я въ школу, встретился со мною пріятель; написавъ я грамотку, онъ пріехалъ съ моря; будучи я удостоверень о вашемъ къ себе дружестве, вы можете уповать на мое къ вамъ усердіе*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое рос-

¹ Онипенко Н. К., Биккулова О. С. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». – С. 222.

сийское сочинение»¹. В то же время ученый отмечает, что носителям языка не хватает именно такой полисубъектной конструкции: «Сожалетельно, что из обычая и употребления вышло славенское в сочинении глаголов свойство, когда вместо деепричастий дательный падеж причастий полагался, который служил в разных лицах: *ходящу мнѣ въ пустынь, показался зверь ужасный* <...> Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет, и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится»².

О происхождении конструкции «дательный самостоятельный» среди ученых нет однозначного мнения. Например, В. П. Воробьев, вслед за А. А. Потемной, считает, что ДС возник в языке благодаря тому, что причастие обладало большей предикативностью (по сравнению с современным русским языком) и могло выступать как почти самостоятельный центр предложения³. Другие исследователи, включая В. М. Живова, настаивают на том, что ДС – калька древнегреческой конструкции *Genetivus Absolutus*⁴. И в первом, и во втором случае указанная конструкция является результатом влияния книжной культуры, встречается преимущественно в нарративных текстах, а в тексты других жанров она попадает только при условии, что в них имеются элементы нарратива.

Анализ ДС в связи с нормами употребления современного деепричастия не случаен. Во-первых, дательный самостоятельный – это конструкция, в которой форма нечленного действительного причастия, с одной стороны, зависима от главной части предложения, а с другой – относительно свободна, поскольку причастие обладает способностью иметь свой субъект, отличный от субъекта матричного предиката, что свойственно и современным аномальным конструкциям⁵. По мнению А. Corin, дательный самостоятельный “expressed the backgrounding of one proposition to another”⁶ («выражал фоновый характер одной пропозиции по отношению к другой». – А. В.). Нечленное причастие обладало значительной свободой по сравнению с современным деепричастием, так что форма причастия могла наравне с глаголом составлять нарративную цепочку, а в некоторых (нечастых) случаях даже употребляться в качестве основного сказуемого фразы. Дательный самостоятельный – это, скорее, выражение не синтаксической зависимости одной единицы от другой, а способ оформления фоновой или известной информации в тексте.

---

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика. – URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/94b/lo-monosov%20rossiyskay%20grammatika.pdf> (дата обращения: 09.10.2020).

² Там же.

³ Воробьев В. П. Дательный самостоятельный // Русская речь. – 1973. – № 4. – С. 92.

⁴ Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т. 1. – С. 333.

⁵ Надо сказать, что в нарративных текстах встречаются и односубъектные конструкции с дательным самостоятельным, но они в количественном отношении не так многочисленны, как полисубъектный дательный самостоятельный, и функционально отличаются от исходной конструкции.

⁶ Corin A. R. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. – 1995. – Vol. 40. – P. 260.

Рассмотрим типы аномальных деепричастных конструкций с разными субъектами. Для анализа и сопоставления с конструкциями из древнерусского нарратива были выбраны современные аномальные сочетания преимущественно с глаголами движения, поскольку глаголы данной семантики, как правило, организуют повествование.

Первую разновидность представляют деепричастные обороты, в которых полисубъектность поддерживается на формальном уровне. Они обозначают положение субъекта речи в пространстве и ориентируются на обобщенно-личный субъект. На такие деепричастные обороты обратил внимание А. К. Власов, анализируя примеры типа *Не доезжая Стратной, налево под вывеской <...> сидели праздные молодые люди*. Связь деепричастия с обобщенно-личным субъектом создает обобщенную (иногда вневременную) ситуацию с расширенным временным значением; это нивелирует соотношение по времени с основным предикатом и способствует лексикализации деепричастия, формированию производных предлогов *не доходя, не доезжая*. Существование подобных конструкций в языке Н. К. Онипенко и О. С. Биккулова объясняют «пропущенным имплицитным модусом наблюдателя»: *Перейдя Невский, я вижу, вы увидите* и т. д., восстановление которого обеспечивает связность предложения¹.

Пример А. К. Власова можно было бы прочитать иначе, приняв выражение *молодые люди* за субъект обоих действий: и глагольного, и деепричастного: *молодые люди, не доезжая...*, однако с точки зрения референциального статуса имени данное выражение нельзя прочитать как субъект, поскольку для деепричастия характерно сочетание с известными, референтными именами². Это объясняется историей происхождения формы: членные причастия имели в своем составе указательное местоимение, которое было необходимо для сочетания с нереперентными именами, нечленные же формы, как правило, характеризовали действия главного героя нарратива – определенный субъект. Кроме того, подлежащее основной части, выступающее в качестве объекта наблюдения, обычно сопровождается глаголом-сказуемым в значении состояния, положения, деятельности, но не действия, поскольку движение сюжета осуществляется в той части, которая содержит деепричастие и имплицитный модус.

Иногда пропущенный модус принадлежит конкретному субъекту (чаще субъекту речи). Так, в предложении *Приехав после долгой дороги и надеясь попить в номере, нас ждала стеклянная бутылка воды с жутким запахом хлора, видимо из под крана*,

¹ Онипенко Н. К., Биккулова О. С. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». – С. 226.

² Подробнее о семантико-грамматических принципах сочетания деепричастия с подлежащим см. Вяльсова А. П. Текстовые функции причастий и деепричастий // Русская словесность. – 2005. – № 2. – С. 36–45; Никитина Е. Н. Еще раз о деепричастиях в неопределенно-личных предложениях // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 2 (24). – С. 23–41.

даже в Москве такой вонючей воды в кране нет можно восстановить модусную часть мы обнаружили, что. Глагол *ждать* здесь употреблен в переносном значении неполнозначительного глагола *быть*, *находиться* при неодушевленном имени. Несмотря на то, что И. п. имени в основной части позволяет прочитать данное предложение как нормативное: *бутылка, приехав, ждала...*, в информативном плане оно будет лишено смысла. Ср. предложение с полнозначительным глаголом *ждать* при личном субъекте: *Приехав зимой в Москву, Иза ждала приглашения из Театра имени Пушкина, куда ее сватал собственный супруг*. Конструкции данного типа встречаются и с Он-модусом, когда наблюдателем становится герой повествования, а не субъект речи или автор: *Кутузов отправлялся в Тарутино перед вечером, чтобы ночевать там и самому распоряжаться всеми войсками. Подъезжая к лагерю его встретили солдатские песни, музыка и совершенное спокойствие*. После деепричастного оборота можно восстановить элемент *он* (*Кутузов*) *улыбался*.

Иногда наличие пропущенного модуса наблюдателя подтверждается контекстуально. Например: *Подбежав к посадке на Ламецию, вижу среди садящихся в тот же самолет пассажиров бывшего любовника. Ничего серьезного. Болтая с приятелем, он меня не видит (делает вид?). Уже проходя в салон, мое кресло как раз за его*. Последнее предложение – пример ненормативной деепричастной конструкции, однако модус *я увидела / я обнаружила* восстанавливается из предыдущего контекста.

К первому подтипу примыкает вторая разновидность: деепричастие употребляется при безличном предложении с семантикой изменения окружающей среды, например: *Подъехав к подъезду, совсем потемнело*. В предложениях такого типа не возникает многозначности: субъектом действия, выраженного деепричастием, имплицитно служит субъект речи, в то время как основная часть соотносена с внеличным субъектом, оба предиката сопоставлены по времени. Интересно отметить, что для обозначения времени суток, времен года, периодов, в течение которых происходят главные события, в памятниках Древней Руси использовались специальные конструкции дательного самостоятельного, функционально выступавшие в качестве обстоятельственного детерминанта предложения. Например: *Таче пакы дъждю преставшю, отъиде христолюбыъ въ домъ свои; Умреть же отць нашъ Феодоси въ лето 6000 и 582, месяца мая въ 3, въ субботу, яко же прорече самъ, въси-явшю сълнцю* («Житие Феодосия Печерского»). *Минувъшим же трем днѣмъ, а четвертому наставающу и свитающу, взем сикиру прииде къ единому от старецъ, живущему въ монастыри его* («Житие Сергия Радонежского»).

Как было сказано ранее, современное деепричастие тяготеет к сочетанию с одушевленным личным субъектом, поэтому по схеме дательного самостоятельного современное (даже ненормативное) предложение переделать не удастся: **Совсем потемнев, я подъехал к подъезду*. Напротив, для древнерусского нарратива описание окружающей среды, времени суток было второстепенной информацией, и она последовательно оформлялась конструкцией «дательный самостоятельный».

Другой случай аномального употребления деепричастий восходит к нормам М. В. Ломоносова и представляет собой ситуацию, при которой деепричастие используется при И. п., но при этом происходит смена действующего лица. Например:

(1) Именно поэтому *приехав на собеседование в сентябре*, ген. директор компании сказал «Да Вы нам подходите»; (2) *А свекру становилось все хуже и хуже. Мы с мужем повезли отца в ЦРБ г. Калининск. Подъезжая к Калининску* звонит нам скорая и говорит: «Мы подъезжаем»; (3) *По дороге в офис фирмы, в которую я сейчас устраиваюсь, мне позвонил Angel_Arx, дал заказ на понедельник. За что ему огромное СПАСИБО! Приехав в офис мной занялся один из гл. менеджеров и <...> в итоге я все сдал!* В данных предложениях, на первый взгляд, возникает неоднозначность смысла за счет двух одушевленных субъектов: субъекта речи и субъекта основной части: *я / генеральный директор, приехав, сказал*. В конструкции «дательный самостоятельный» для того, чтобы избежать двусмысленности, как правило, употреблялось имя или местоимение в функции субъекта причастного действия: *И сице ему стенящую и плачущуюя и слезами землю омачающую съ въздыхании частыми Бога призывающую, приспѣша вънезапу посълании отъ Святопѣлка...* («Сказание о Борисе и Глебе»). Повторение субъекта в каждой части – особенность древнерусского нарратива, которая, видимо, сохранилась вплоть до времен М. В. Ломоносова. В своих примерах ненормативных деепричастных оборотов он употребляет при деепричастии субъект: *идучи я въ школу, встретился со мною прїатель*, что помогает ему избежать прочтения деепричастного оборота с субъектом основной части предложения. Несмотря на то, что героем нарратива, в особенности житийного, выступало одно действующее лицо, смена субъекта могла осуществляться в каждом новом фрагменте в зависимости от фокуса внимания писца, при этом происходила иерархизация предикатов: субъект, который становился героем фрагмента, был выражен подлежащим при матричном предикате, а действие известного, повторяющегося субъекта оформлялось конструкцией «дательный самостоятельный». Например, во фрагменте, где преподобного Феодосия возница пересаживает с воза на коня, встречаются два оборота ДС, при этом действия Феодосия, являющегося героем житийного текста, в одном случае оформляются матричным предикатом: *То же блаженни съ всьякимь съмерениемь въста, въезде на кони, а оному же легшию на возе, и идяше путьмь, радуяся и славя бога*, а в другом – оборотом ДС: *Онъ же видевь, еже тако вси поклоняхуться ему, и ужасеся въ уме и, трепетен сын, въста и въезде на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобнууму Феодосию на возе сядящю*. Образа автора, который объединяет систему персонажей, ранжируя их с помощью языковых средств (в том числе с помощью деепричастия), в период древнерусской письменности еще не было, это объясняет необходимость языковой системы в конструкции с второстепенным предикатом и второстепенным для фрагмента субъектом. Развитие языковой системы, а также способов организации текста повлекло за собой и изменение грамматических свойств деепричастия: оно стало глагольной формой, прикрепленной к модусу говорящего, автора, внутренней точке зрения героя¹. Говорящий не осознает, что примеры (1), (2), (3) с деепричастием можно понять иначе, поскольку действие, выраженное данной частью речи, связано с его модусом, с внут-

¹ Подробнее об этом см. Вяльсова А. П. Текстовые функции причастий и деепричастий // Русская словесность. – 2005. – № 2. – С. 36–45.

ренной точкой зрения говорящего, рассказывающего историю о себе. Распределение же субъектов между главной и зависимой частями предложения обусловлено использованием деепричастного оборота в качестве средства текстовой связности, тема-рематического членения текста, при котором тема оформляется деепричастным оборотом, а рема – глаголом-сказуемым. Особенно четко это прослеживается в примере (2): сначала глагол движения употребляется в роли сказуемого (*Мы с мужем повезли*), затем – в деепричастном обороте (*Подъезжая к Калининску*); подобным образом информация распределена в примере (3): в первом предложении субъект речи сообщает о том, что находится в пути (*По дороге в офис фирмы*), далее он повторяет ту же информацию, уже используя деепричастный оборот (*Приехав в офис*). Получается, что для нечленных причастий в древнерусском нарративе не представляло важности удержание единства модуса: субъект мог быть сначала главным, а в другом фрагменте – второстепенным; деепричастие же в современном языке обусловлено единством модуса говорящего или героя.

Выводы

Основная тенденция современной нормы деепричастного оборота – переход от синтаксической связи с подлежащим к семантической связи с субъектом матричной части предложения. Среди аномальных предложений с деепричастием большую часть занимают конструкции, в которых формально представлены два субъекта, но семантически данные конструкции односубъектны, так как они либо содержат имплицитный модус – обобщенно-личный или определенно-личный, соотносимый с Я-говорящего, либо содержат подлежащее, так или иначе включенное в субъектную сферу основного действующего лица. Современные аномальные конструкции с деепричастием, предполагающие объединение двух пропозиций в одно предложение, сопоставимы с оборотом «дательный самостоятельный». По сравнению с нечленными действительными причастиями, составлявшими оборот, современные деепричастия сформировали связь по модусу с Я-говорящего. Древнерусский нарратив представлял собой объективное Он-повествование; последовательность действий в нем подчинялась логике развертывания сюжета, что обуславливало ранжирование информации на главную и фоновую. Напротив, формирование субъективного повествования, в котором все описываемые события разворачиваются с точки зрения говорящего, создает условия для определения субъекта действия, выраженного деепричастием, из контекста. При этом появление таких ненормативных конструкций можно объяснить потребностью современного носителя языка осуществлять тема-рематическое членение текста с помощью главной и второстепенной предикации.

Список литературы

Бешенкова (Филякова) Е. В. Глаголы с дефектной парадигмой в современном русском языке (соотношение системы и нормы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1988. – 22 с.

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2001. – 257 с.

Власов А. К. Деепричастный оборот, не отнесенный к подлежащему // Русский язык в школе. – 1958. – № 2. – С. 35–38.

Воробьев В. П. Дательный самостоятельный // Русская речь. – 1973. – № 4. – С. 91–95.

Вяльсова А. П. Текстовые функции причастий и деепричастий // Русская словесность. – 2005. – № 2. – С. 36–45.

Добрушина Е. Р. Ненормативное употребление деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому // XXX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ (Москва, 20 января – 27 февраля 2020 г.) / под редакцией протоиерея В. Воробьева. – Москва: ПСТГУ, 2020. – С. 171–173.

Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т. 1. – 816 с.

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. – Москва: Наука, 1982. – 199 с.

Камынина А. А. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. – Москва: МГУ, 1974. – 52 с.

Кунавин Б. В. К вопросу о формировании деепричастных форм в древнерусском языке // Вопросы изучения русского языка. Межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Л. М. Бесолова. – Владикавказ: СОГУ, 1994. – С. 105–112.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. – URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/94b/lomonosov%20rossiyskaya%20grammatika.pdf> (дата обращения: 09.10.2020).

Никитина Е. Н. Еще раз о деепричастиях в неопределенно-личных предложениях // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 2 (24). – С. 23–41.

Обособление распространяющих членов предложения // Русская грамматика. – URL: <http://rusgram.narod.ru/2100-2127.html#2104> (дата обращения: 09.10.2020).

Онипенко Н. К., Биккулова О. С. Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». – С. 220–232.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – Москва: Наука; Языки русской культуры, 1999. – 275 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – Москва: Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 536 с.

Смирнова Л. Г. Культура русской речи. – Москва: Русское слово, 2005. – 205 с.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под редакцией А. В. Бондарко. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 348 с.

Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Мурманск: Полиграфист, 2010. – 44 с.

Corin A. R. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. – 1995. – Vol. 40. – P. 251–284.

References

Beshenkova (Filiakova) E. V. *Glagoly s defektnoi paradigmoi v sovremennom russkom iazyke (sootnoshenie sistemy i normy)* [Verbs with a defective paradigm in modern Russian (the relation between the system and norm): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1988. 22 p.

Bondarko A. V. *Osnovy funktsional'noi grammatiki: Iazykovaia interpretatsiia idei vremeni* [Fundamentals of functional grammar: Linguistic interpretation of the time idea]. St Petersburg: SPbGU, 2001. 257 p.

Vlasov A. K. *Deeprichastnyi oborot, ne otnesennyi k podlezhashchemu* [Adverbial participial phrase not related to the subject]. *Russkii iazyk v shkole* [Russian language at school], 1958, no. 2, pp. 35–38.

Vorob'ev V. P. *Datel'nyi samostoiatel'nyi* [Dative absolute]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 1973, no. 4, pp. 91–95.

Vial'sova A. P. *Tekstovye funktsii prichastii i deeprichastii* [Textual functions of participles and adverbial participles]. *Russkaia slovesnost'* [Russian philology], 2005, no. 2, pp. 36–45.

Dobrushina E. R. *Nenormativnoe upotreblenie deeprichastii kak perekhod ot sintaksicheskogo registra k semanticheskomu* [The abnormal use of adverbial participles as a transition from a syntactic register to a semantic one]. *XXX Ezhegodnaia bogoslovskaja konferentsiia PSTGU (Moskva, 20 ianvaria – 27 fevralia 2020 g.)* [XXX Annual theological conference at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow, January 20 – February 27, 2020); ed. by archpriest V. Vorob'ev]. Moscow: PSTGU, 2020, pp. 171–173.

Zhivov V. M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [History of the Russian written language: in 2 volumes]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke, 2017, vol. 1. 816 p.

Itskovich V. A. *Ocherki sintaksicheskoi normy* [Essays on the syntactic norm]. Moscow: Nauka, 1982. 199 p.

Kamynina A. A. *O polupredikativnykh konstruktiiakh v prostom predlozhenii* [On semi-predicative structures in a simple sentence]. Moscow: MGU, 1974. 52 p.

Kunavin B. V. *K voprosu o formirovanii deeprichastnykh form v drevnerusskom iazyke* [To the question of the adverbial participial forms in the Old Russian language]. *Voprosy izucheniiia russkogo iazyka. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Issues of studying the Russian language. Interuniversity collection of research papers; ed. by L. M. Besolov]. Vladikavkaz: SOGU, 1994, pp. 105–112.

Lomonosov M. V. *Rossiiskaia grammatika* [Russian grammar]. Available at: <https://runivers.ru/upload/iblock/94b/lomonosov%20rossiiskay%20grammatika.pdf> (accessed: 09.10.2020).

Nikitina E. N. *Eshche raz o deeprichastiiakh v neopredelennolichnykh predlozheniiakh* [Returning to adverbial participles in indefinite personal sentences]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], 2012, no. 2 (24), pp. 23–41.

Obosoblenie rasprostraniaiushchikh chlenov predlozheniia [On the absolute extended members of the sentence]. *Russkaia grammatika* [Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.narod.ru/2100-2127.html#2104> (accessed: 09.10.2020).

Onipenko N. K., Bikkulova O. S. *Problema deeprichastnoi normy i kategoriiia sub"ekta* [The problem of adverbial participial norm and the category of subject]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2016, iss. 10. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii"* [Proceedings of the international reserach conference "Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony"], pp. 220–232.

Panov M. V. *Pozitsionnaia morfologiiia russkogo iazyka* [Positional morphology of Russian]. Moscow: Nauka; Iazyki russkoi kul'tury, 1999. 275 p.

Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike: v 4 t.* [From the notes on Russian grammar: in 4 volumes]. Moscow: Uchpedgiz, 1958, vol. 1–2. 536 p.

Smirnova L. G. *Kul'tura russkoi rechi* [Culture of Russian speech]. Moscow: Russkoe slovo, 2005. 205 p.

Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis [Functional grammar theory: Introduction. Aspectuality. Temporal localisation. Taxis; ed. by A. V. Bondarko]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 348 p.

Chupasheva O. M. *Grammatika russkogo dееprichastiia* [Grammar of the Russian adverbial participle: abstract Dr. thesis in Philological Sciences]. Murmansk: Poligrafist, 2010. 44 p.

Corin A. R. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 1995, vol. 40, pp. 251–284.

Для цитирования: *Вяльсова А. П. Полисубъектность в конструкциях с деепричастным оборотом: история и современность (на материале русского языка) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 3 (102). – С. 81–94. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-6>*

For citation: Vialsova A. P. Polysubjectiveness in constructions with adverbial participial phrases: history and modernity (by the material of the Russian language). *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 3 (102), pp. 81–94. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-6>

Сведения об авторах

Анна Павловна Вяльсова /
Anna P. Vialsova

Кандидат филологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>, vyalsova@yandex.ru, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (д. 23Б, Новокузнецкая ул, 115184 Москва, Россия) / Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>, vyalsova@yandex.ru, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (23B, Novokuznetskaya ul., 115184 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 01.09.2020; Одобрена после рецензирования 18.12.2020; Принята к публикации 23.12.2020.

The article was submitted 01.09.2020; Approved after reviewing 18.12.2020; Accepted for publication 23.12.2020.